

АЛЕКСЕЯ БИБИК

Художники А. Муравьев, П. Горбань.

(Из повести)

С Холодной горы и Лысой к железнодорожному мосту спускаются две улицы, прежде — Кладбищенская и Кузинская. И там, где они вливаются в небольшую площадь, на мыску, стоит чугунный обелиск. А чуть наискосок от него — широкие заводские ворота, из которых не раз выходили на улицу с красным знаменем и шли через мост к городу три тысячи рабочих.

Скромный обелиск отлит рабочими завода в двадцатые годы в память о товарищах, погибших за дело пролетариата. Среди семи имен значится имя Петра Яковлевича Засс.

***

...В семнадцатом Петро вернулся в Харьков.

Возвращался он неохотно — так по душе ему, миролюбивому, да утомленному пережитым, пришелся таежный покой. Но в кровь вошедшая солидарность звала к товарищам.

Рабочие приняли его, как родного, и как только дороги освободились от белых и немцев, ему доверили заботу о продовольствии. Трудное было время, голодное. Бумажные деньги стремительно обесценивались, валюта шла в руки спекулянтов, скорбно толкалась барахолка. На буферах и крышах, среди злостных мешочников, несли божью кару многие жены и вдовы рабочих.

Кое-что можно было наскрести в удаленных от главных путей селах и хуторах; но и там предпочитали натурообмен, причем та сторона день ото дня становилась скупее и привередливее: принималось только, что поновее, незаносенное.

Немало добра оставлено было в помещичьих экономиях, брошенных на произвол сбежавшими хозяевами. На одну из таких экономии, слывшую образцовой указали Петру, и он без проволочек запряг в приبلудную линейку пару приبلудных гнедых. Для бодрости духа — имение было верстах в ста двадцати — прихватил с собой члена партгруппы завода, кавказца Кавтарадзе. А по дороге, на случай приемочного оформления, взяли с собой председателя сельсовета и фельдшера.

Унылый и одичалый вид имели поля по дороге. Даже вблизи селений не было видно ласкающей зелени озимых. Такие же поля окружали и усадьбу бежавшего барина. Но сама усадьба, с капитально построенными конюшней, коровником, машинным депо и прочими службами, издали казалась хозяйственно крепкой, слаженной по-немецки.

Вот за могучими деревьями подъездной аллеи и сада заблестел обширный пруд, в котором, как говорили, водятся знаменитые королевские карпы. Петро жадно всматривается во все это добро и мечтает заранее, как он удивит, обрадует и насмешит товарищей, когда сверх зерна, муки и пятка баранов, развяжет мешки с карпами, яблоками и — что там еще найдется в саду!

В центре усадьбы, куда вела аллея, стоял солидный и в то же время легкий от стрельчатых башенок дом, его можно было бы назвать дворцом. Но чем ближе, катясь по золотой листве кленов и лип, приближалась к дворцу линейка, тем явственнее проступала запущенность всей усадьбы. Безмолвно, как призрак барского ушедшего благополучия, свернула с аллеи в кусты тощая борзая. И эта запущенность, осенняя тишина и безлюдье пробудили неясную тревогу. Петро придержал бег коней.

Тишину прервал револьверный выстрел.

На широкую площадку подъезда высыпала гурьба парней, по-разному одетых, в бараньих шапках, из-под которых торчали чубы. Лица у всех угрюмо-похмельные. На поясах и через грудь висело оружие и патроны.

— Махновцы! — ахнул председатель.

Отступить было поздно, лошади поднесли уже к самым ступеням.

Взяв себя в руки, Петро крикнул:

— Здоровы булы! Принимайте гостей! Их молча разглядывали. Кто-то неприязненно спросил:

— А шо ж вы за гости? Откуда? Навроди паны?

— Мы представители рабочих, — гордо ответил Петро. — С завода. Из города.

— А чого ж вас сюды занесло?

— Рабочим требуется пропитание.

— А хйба ж их бильшовики не кормлять?

Раздвинув хлопцев, наперед вышел дородный, обрюзгший усач с нарядной саблей и двумя револьверами за поясом. Должно быть, «батько». Таких полупанков немало выкурила революция из паучьих гнезд на Украине.

— Добрые кони, — промолвил «батько». Возьмите их, хлопцы!

По ступенькам сбежали два дюжих парня. Но между ними и лошадыми стал Петро.

— Не трогайте! Кони — с завода, рабочая собственность!

— Коню полагается быть у мужика, —

переходя на русский, возразил «батько».

— Разве вы — мужики? — не удержался Петро.

Чванливое безразличие «батька» сменилось раздражением:

— А ну, без разговоров! Эй, вы! Геть с линейки!

Оттолкнув еще раз парней, Петро спросил:

— А кто же вы сами?

— Мы — самый народ! — крикнул «батько», ударив себя в грудь. — Борцы за чистую правду! — прищурившись, ткнул пальцем в группу обескураженных стоявших у линейки. — А ну, рыжий, чего там ховаешься? Жид?

В чертах чернявого фельдшера было нечто еврейское, но предположение «батьки» вызвало смех.

— Испокон веку — славянского роду.

— Подойди ближе!

Фельдшер подошел.

— А ну, скажи: кукуруза!

Фельдшер произнес слово отчетливо, с костромским произношением. И все еще не предвидя опасности, пошутил, коснувшись кармана:

— Могу предьявить документацию.

Шуткуешь? — негромко, зловеще произнес «батько». — А ну, хлопцы, проверьте документацию! Котри молоди. Молодчи! Возьмите жида для практики!

Трое молодых, видимо, недавно завербованных принялись раздевать ошеломленного фельдшера.

— Что вы делаете? — вступился предсельсовета. — И никакой он не жид, а православный, бо я его сколько годов знаю.

— Откуда ж ты знаешь? Ты сам кто? Похоже — куркуль?

Один из хлопцев подал голос:

— Це — председатель з нашего села.

— Назначенный большевиками?

— Я выбранный народом, — гордо ответил председатель.

Хлопец подтвердил и это.

«Батько» накрутил ус на палец... и объявил:

— Раз от народа — ступай... та благодари бога. А ты кто? — обратился к Петру, хмуро стоявшему между мордами коней.

— Рабочий, — неприязненно

отозвался Петро.

— А ну, покажи руки.

Сильные рабочие руки Петра, да и вся фигура — могучая и добрая, произвели на «батьку» впечатление.

— С такими руками и мы, пожалуй, приняли бы в компанию,— сказал он.— Не хочешь? Дело твое. Отступишь от коней и катись за председателем. Катись, пока не передумалось. Хлопцы, возьмите конив!

На этот раз Петро уступил,— слишком ясна? - была бесполезность сопротивления.

— Шо ж вы не починаете? — обернулся «батько» к хлопцам. — Та помнить, як я учу рубайте с оттяжкой. З оттяжкой.

Послышался хрусткий удар и дикий, нечеловеческий вскрик. Это один из махновцев ударом шашки «с поволокою» рассек плечо фельдшера.

— Мерзавцы!.. Убийцы — весь дрожа от негодования, закричал Кавтарадзе.

— Что такое?— будто удивился «батько».— А ну, хлопцы, вернуть цего, дуже горячего!

Но Кавтарадзе был уже рядом. В самозабвенной горячности, такой характерной для кавказца, он прямо в лицо главного бандита бросил:

— Бандит! Под маской борьбы за народ — убийца! Авантюрист!..

— Заткнуть ему глотку!— прорычал - главарь.

Обшарив карманы, нашли партийный билет. Минуты Кавтарадзе были сочтены. Сверкнули клинки. И в то же мгновение Петро стал рядом с Кавтарадзе:

— Я — тоже большевик!

Облитый кровью Кавтарадзе, падая; прохрипел:

— Неправда!.. Не большевик он!..

По знаку главаря махновцы, все более зверея, начали бить Петра прикладами... А он стоял.

И еще раз сила Петра вызвала у главаря нечто большее, чем удивление, он крикнул: — Не бить! Рубай его!

И Петра стали рубить...

...Так кончил свою жизнь беспартийный слесарь-механик Петро Яковлевич Засс, чье имя отлито на чугунном обелиске против завода в Харькове.